

Сылу Чжао¹, И. А. Фурманов², доктор психологических наук, профессор
Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4, 220030 Минск, Республика Беларусь,
¹+375 (33) 615 59 26, siluzhao417@gmail.com, ²+375 (17) 259 70 49, fourmigor@gmail.com

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ТАКТИКАХ РАЗРЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОГО КОНФЛИКТА В КИТАЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СЕМЬЯХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА РОДИТЕЛЯ

Целью исследования было определение национальных особенностей и кросс-культурных различий в использовании тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях. В статье обсуждаются половозрастные различия в представлениях студентов о тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в зависимости от пола родителя. По сравнению с белорусскими отцами белорусские матери прибегают к более разнообразным тактикам разрешения родительско-детского конфликта, в частности, насильственным тактикам разрешения родительско-детского конфликта с детьми, находящимися в возрастном периоде ранней взрослости. Независимо от пола и возраста ребенка, китайские отцы прибегают к насильственным тактикам, а белорусские отцы — к более мягким. В белорусских семьях изменение тактик разрешения родительско-детского конфликта происходит более гуманно, чем в китайских.

Ключевые слова: представления о тактиках разрешения родительско-детского конфликта; дисциплинирование; психологическая агрессия; телесные наказания; физическая жестокость; проявление жестокости; половозрастные различия.

Рис. 8. Библиогр.: 29 назв.

Silu Zhao¹, I. A. Fourmanov², Doctor of Psychological Sciences, Professor
Belarus State University, 4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, the Republic of Belarus,
¹+375 (33) 615 59 26, siluzhao417@gmail.com, ²+375 (17) 259 70 49, fourmigor@gmail.com

GENDER AND AGE DIFFERENCES IN PERCEPTIONS OF PARENT-CHILD CONFLICT RESOLUTION TACTICS IN CHINESE AND BELARUSIAN FAMILIES DEPENDING ON THE GENDER OF THE PARENT

The aim of the study was to determine national characteristics and cross-cultural differences in the use of parent-child conflict resolution tactics in Chinese and Belarusian families. The article discusses age and gender differences in students' ideas about parent-child conflict resolution tactics in Chinese and Belarusian families depending on the parent's gender. Compared to Belarusian fathers, Belarusian mothers resort to more diverse tactics for resolving parent-child conflict. Belarusian mothers choose to use violent tactics for resolving parent-child conflict with children in the early adulthood period. Regardless of the child's gender and age, Chinese fathers resort to violent tactics, and Belarusian fathers — to softer ones. In Belarusian families, the change in tactics for resolving parent-child conflict occurs more humanely than in Chinese families.

Key words: parent-child conflict resolution tactics; disciplining; psychological aggression; corporal punishment; physical abuse; display of cruelty; gender and age differences.

Fig. 8. Ref.: 29 titles.

Введение. В семье индивид развивается физически и психологически с опорой на социальные и экономические ресурсы, предоставляемые в первую очередь родителями. С помощью поддержки родителей ребенок получает образование, приобретает опыт, расширяет увлечения и интересы. С ростом социальной активности ребенка семейное окружение становится недостаточным для взросления и развития. Закономерно, что у него происходят множественные изменения, в частности в социальном взаимодействии. Трансформируются и взаимоотношения с родителями: от подчинения родительскому авторитету и восхищения родителями в детстве до постепенной независимости и критичности восприятия детско-родительских отношений в подростковом возрасте. Отношения между родителями и детьми переживают переход от односторонней власти, в которой родитель занимает доминирующее положение,

к двусторонней власти, в которой родитель и ребенок находятся на относительно равных позициях [1]. К моменту ранней взрослости ребенок созревает физически, но не всегда психологически, часто не живет отдельно от семьи, и его связь с семьей остается сильной [2]. Эти изменения приводят к возникновению различных конфликтов и противоречий в семье, в результате чего возможно агрессивное поведение или некоторые психологические проблемы у ребенка, которые становятся объектом профессиональной помощи психологов. В связи с этим изучение родительско-детского конфликта и тактик его разрешения продолжает оставаться актуальным.

В. Susan [3] отмечает, что по мере взросления детей родители и их дети должны перестраивать свое взаимодействие по принципу партнерства. Однако неспособность обоих родителей или ребенка адаптироваться к такому изменению отношений может привести к конфликту. Эти конфликты могут также выступать способом согласования изменений в отношениях. Краткосрочные дихотомические процессы, происходящие во время конфликтных взаимодействий, важны для развития отношений между родителем и ребенком. Родительско-детский конфликт рассматривается как одно из наиболее распространенных явлений в семьях. В. Хэ [1] в своей концепции родительско-детского конфликта опирается на идею о том, что родительско-детский конфликт в основном определяется несоответствием личных позиций и поведения родителей и детей из-за причин трех типов: 1) психологические (концептуальное или эмоциональное противостояние); 2) вербальные (ссоры); 3) поведенческие (физическая агрессия, уход в себя или бегство). Родительско-детский конфликт имеет не только негативный оттенок, но и чаще всего рассматривается как способ изменить сложившиеся отношения между родителями и детьми.

Исследования родительско-детского конфликта американскими и европейскими психологами [4—6] побудили китайских психологов к проведению собственных исследований в данном направлении. Китайские психологи обнаружили, что существуют значительные культурные различия между американскими, европейскими и китайскими стилями воспитания [7—9]. Они отмечают, что под влиянием той или иной социокультурной системы, ее воспитательных идей и ценностей воспитания в семье взаимоотношения «отцов и детей» отличаются культурным контекстом и передаются из поколения в поколение. В частности, в Китае, который до сих пор придерживается конфуцианского принципа уважения к авторитетам, стиль семейного воспитания в значительной степени характеризуется конфуцианской традицией:

1. С точки зрения семейных ролей ребенок играет подчиненную роль. В конфуцианской традиции считается, что дети должны отплачивать родителям за их благосклонность, принимать сыновнюю почтительность и подчиняться родителям. Это значит, что чем больше ребенок демонстрирует сыновнюю почтительность, тем меньше вероятность возникновения конфликта. В отличие от других культур, в Китае семья основана на конфуцианском принципе почтения к авторитету и следования иерархии [10].

2. В ролевой структуре семьи родители занимают авторитетное и доминирующее положение. В китайском культурном контексте родители играют важную роль в определении того, возникнет ли родительско-детский конфликт, поскольку они превосходят ребенка как физически, так и психологически. Такая ситуация сохраняется до тех пор, пока ребенок не достигнет взрослого возраста [10]. Поэтому считается, что ребенок обязан избегать конфликта, независимо от поведения родителя. Даже если поведение родителя неуместно или аморально, ребенок не должен идти против его желания. Единственная приемлемая реакция ребенка — это терпение. В. Хэ и Г. Сон [11] отмечают, что выбор тактики разрешения конфликта меняется с течением времени. В подростковом возрасте выбор тактики разрешения конфликта с подростками у отцов и матерей различен: отцы оказывают давление на своих детей, заставляя их демонстрировать компромиссное поведение, в то время как у детей больше возможностей договориться с матерями.

3. В отличие от западных семейных ценностей, конфуцианство ставит коллективный интерес выше индивидуального и делает акцент на коллективизме. По этой причине китайские родители часто дают запретительные приказы своим детям, а также с детства приучают их

к самодисциплине и подчинению нуждам и требованиям коллективного интереса для достижения гармоничных взаимоотношений [12].

В разных культурных контекстах причины родительско-детского конфликта, его уровень и частота значительно отличаются, поэтому и тактики разрешения родительско-детского конфликта также различны.

Л. Линь [13] отмечает, что уровень конфликта между матерями и их детьми был выше, чем у отцов. Предпочитали прибегать к стратегическим переговорам, т. е. решать проблемы бесконфликтно, 51,4 % отцов и 46,7 % матерей. Кроме того, при выборе стратегий отцы чаще предпочитали стратегическое избегание, а также стратегическое вмешательство третьей стороны. Матери же в свою очередь склоняются к тактическому компромиссу, независимо от пола ребенка.

Аналогичные результаты получены в работе Е. Лян [14], где матери более гибкие в выборе стратегий разрешения конфликтов с детьми, чем отцы. Однако результаты были несколько иными: 89,6 % отцов и 88,8 % матерей применяли телесные наказания к детям в возрасте 3—6 лет. Относительно использования агрессивных форм дисциплинирования (психологическая агрессия, телесные наказания и физическое насилие) было установлено, что к ним прибегают 67,7 % отцов и 40,2 % матерей. В отличие от китайских матерей, китайские отцы чаще используют жестокие и грубые методы для наказания детей, нарушающих нормы поведения. Возможно, это объясняется тем, что в традиционной китайской культуре отцу необходимо обладать авторитетом. Поэтому жесткая дисциплина является наиболее эффективным способом удержать детей от нарушений дисциплины. В то же время в традиционной китайской культуре мать воспринимается как уступающая и прощающая персона. Чтобы соответствовать социальным и культурным ролевым ожиданиям, многие матери предпочитают использовать ненасильственные методы в конфликтах. Х. Цзя [15] не обнаруживает гендерных различий в ответах студентов мужского и женского полов о частоте применения телесных наказаний со стороны их матерей.

В настоящее время большинство китайских исследований, посвященных зависимости тактики разрешения родительско-детского конфликта от пола родителей, ограничиваются периодом детства, в то время как большинство исследований, посвященных подростковому возрасту и возрастному периоду ранней взрослости, склоняются к зависимости тактики разрешения родительско-детского конфликта от пола ребенка.

Многочисленные западные исследования приводят противоречивые результаты.

И. А. Фурманов [16] утверждает, что стили воспитания различаются в зависимости от пола ребенка, но в целом существует два типа воспитательных тактик матерей: 1) тактика мягкого решения, основанная на дисциплинировании и психологической агрессии; 2) тактика насильственного решения, основанная на использовании наказаний, например телесных. Однако эти две тактики являются взаимоисключающими. Чем больше ребенок меняет свое поведение в соответствии с первой тактикой, тем меньше вероятность применения второй тактики. В отличие от матери, отец выбирает более разнообразные и агрессивные тактики решения родительско-детского конфликта.

С другой стороны, М. А. Straus [17] приходит к выводу, что матери больше склонны к использованию телесных наказаний, чем отцы. R. D. Day с коллегами [18] также считают, что матери в целом чаще прибегают к телесным наказаниям, чем отцы.

Однако в этой области исследований существуют разночтения, например, К. А. Magnuson и J. Waldfogel [19] утверждают, что не существует статистически значимых различий в частоте и тяжести телесных наказаний, применяемых родителями, и что статистическая разница часто объясняется игнорированием фактора количества времени, которое родители проводят со своими детьми. Поскольку большинство матерей проводят со своими детьми значительно больше времени, чем отцы, то вполне закономерно, что они и применяют чаще телесные наказания к своим детям, чем отцы.

В литературе существуют лишь единичные данные о кросс-культурных различиях в тактике разрешения родительско-детского конфликта, особенно между китайскими и белорусскими семьями. В частности, в исследованиях было отмечено, что китайские родители были

более агрессивными, в отличие от белорусских родителей. В белорусских семьях отмечается более позитивный баланс ненасильственных и насильственных методов дисциплинирования детей [20—22].

В проведенном исследовании были получены более подробные данные о различиях в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в зависимости от пола родителей.

Материалы и методы исследования. В исследовании использована методика «Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте» (СТСПС), разработанная М. А. Строссом [23], адаптированная И. А. Фурмановым для русскоязычной выборки [24] и К. Л. Чан [25] для китайскоязычной выборки. Это методика состоит из 22 утверждений, каждое из которых оценивалось по шкале Ликерта (1 — никогда, 2 — почти никогда, 3 — иногда, 4 — почти всегда, 5 — всегда). Методика позволяет классифицировать тактики разрешения конфликта родителей с детьми (как матерью, так и отцом) по следующим подшкалам: 1. Дисциплинирование (Д). 2. Психологическая агрессия (ПА). 3. Физическая агрессия (телесные наказания (ТН), проявление жестокости (ПЖ) и физическая жестокость (ФЖ)).

С помощью данной методики оценивались два возрастных периода — детство и ранняя взрослость.

В связи с этим для опроса каждого респондента использовались две формы опросника. Форма А (ретроспективная) имела следующую инструкцию: «Дети часто делают вещи, которые раздражают и злят родителей: не слушаются, дерутся, что-то ломают и портят, сквернословят и пр. Ниже приведены те или иные действия родителей в этой ситуации. Ответьте, пожалуйста, что делали Ваши родители, как они реагировали, когда в детстве Вы так вели себя».

В форме Б использовалась другая инструкция: «Дети часто делают вещи, которые раздражают и злят родителей: не слушаются, дерутся, что-то ломают и портят, сквернословят и пр. Ниже приведены те или иные действия родителей в этой ситуации. Ответьте, пожалуйста, что делали Ваши родители, как они реагировали, когда Вы так вели себя в последний год».

Таким образом, возрастная динамика использования тактик разрешения родительско-детского конфликта фиксировалась в результате сравнения мер дисциплинирования ребенка в детстве и в период ранней взрослости как со стороны отца, так и со стороны матери.

Выборку составили 307 китайских и белорусских студентов в возрасте 19—29 лет (китайские студенты: 80 мужчин и 75 женщин; белорусские студенты: 72 мужчины и 80 женщин).

Статистическая обработка данных была проведена с помощью пакета прикладных данных SPSS (версия 13.0).

Результаты исследования и их обсуждение. Общий анализ результатов исследования показывает, что существуют половые и возрастные различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в зависимости от пола родителя. Рассмотрим национальные особенности тактик разрешения родительско-детского конфликта.

Китайские семьи. Детство. Было обнаружено, что китайские матери, в отличие от китайских отцов, чаще прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -4,28; p < 0,001$), тактике психологической агрессии ($t = -2,26; p = 0,026$) и тактике телесных наказаний ($t = -3,60; p < 0,001$) (рисунок 1). В других тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях в этот период различий не обнаружено. Полученные данные означают, что китайские матери более склонны к вариативному использованию как ненасильственных, так и насильственных тактик воспитания своих детей, вероятно, в зависимости от ситуации.

Ранняя взрослость. Было обнаружено, что китайские матери чаще прибегают к тактике дисциплинирования при разрешении родительско-детского конфликта по сравнению с китайскими отцами ($t = -2,06; p = 0,042$) (рисунок 2).

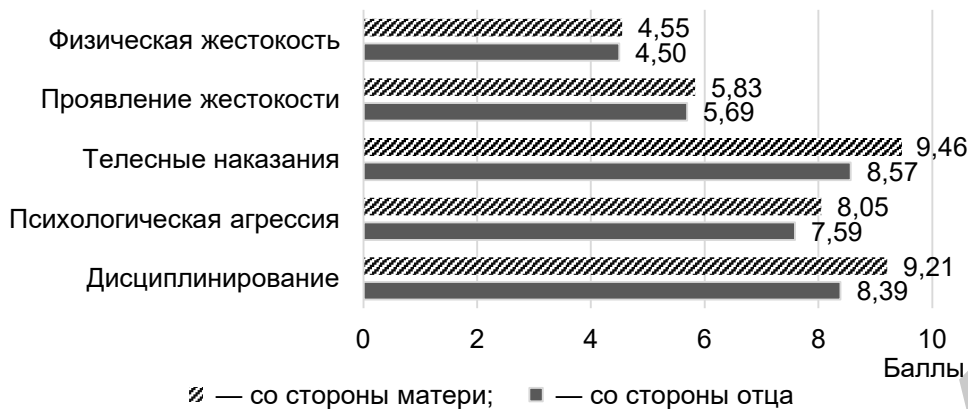

Рисунок 1. — Тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях с детьми в период детства

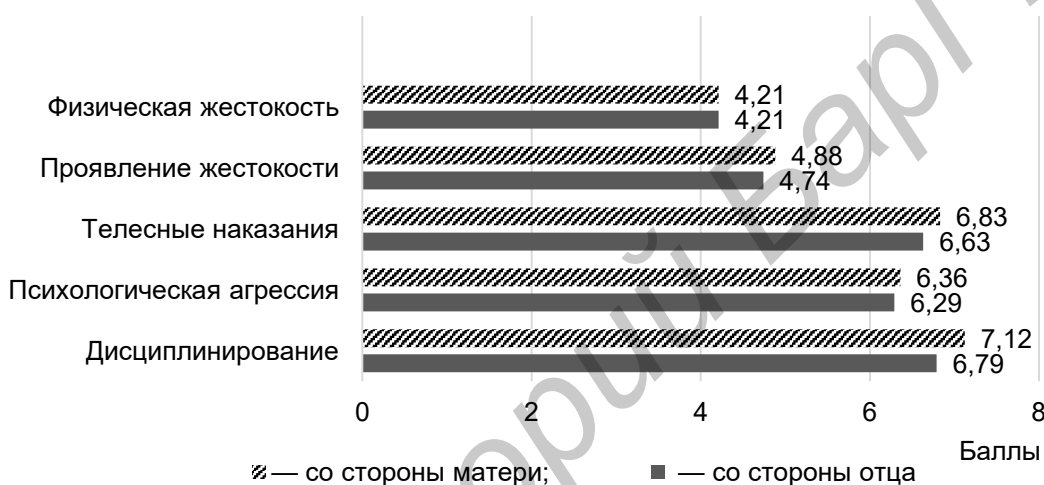

Рисунок 2. — Тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях с детьми, находящимися в периоде ранней взрослости

Таким образом, независимо от возраста ребенка, китайские матери чаще, чем китайские отцы, используют ненасильственную тактику дисциплинирования для разрешения родительско-детского конфликта. Возможные причины этого заключаются в том, что матери вкладывают много ресурсов и заботы в процесс развития детей и, следуя китайским традициям воспитания детей, стремятся к тому, чтобы их дети соответствовали стандартам успеха, лучше адаптировались к жизни в обществе, имели в будущем хорошее образование или заработную плату [26]. С возрастом их взаимодействие с ребенком становится более ненасильственным ввиду того, что взрослеющий ребенок, возможно, меньше нарушает дисциплину в результате семейной социализации и чаще отвечает ожиданиям матери. В период ранней взрослости детей китайские матери сохраняют тактику дисциплинирования. Это может быть связано с тем, что дети становятся более отделенными от своих семей и проводят меньше времени с матерями, поэтому конфликты происходят реже. У матерей появляется больше возможностей для обсуждения тактики разрешения конфликта с детьми [27].

Результаты исследования согласуются с выводами В. Хэ и Г. Сон [11], которые отмечают, что в китайских семьях у детей больше возможностей договориться с матерью, чем отцом. Как в детстве, так и в период ранней взрослости ребенка матери более склонны прибегать к мягким, комплексным тактикам разрешения конфликта.

Белорусские семьи. Детство. Было обнаружено, что белорусские матери, в отличие от белорусских отцов, чаще прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -8,72$; $p < 0,001$), психологической агрессии ($t = -3,41$; $p = 0,001$) и тактике физической жестокости ($t = -2,18$; $p = 0,036$) (рисунок 3).

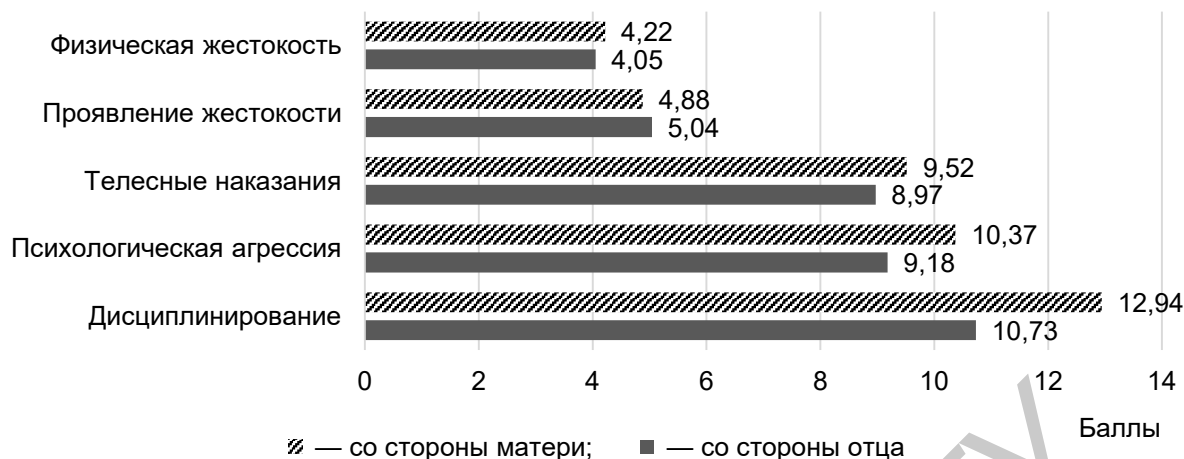

Рисунок 3. — Тактики разрешения родительско-детского конфликта в белорусских семьях в период детства

Ранняя взрослость. Было установлено, что белорусские матери по сравнению с белорусскими отцами чаще прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -5,45$; $p < 0,001$), психологической агрессии ($t = -3,55$; $p = 0,001$), телесных наказаний ($t = -4,20$; $p < 0,001$), проявления жестокости ($t = -3,26$; $p < 0,001$) и тактике физической жестокости ($t = -2,48$; $p = 0,014$) (рисунок 4).

Традиционные белорусские семейные ценности предполагают следование патриархальному образу жизни, при котором одной из основных обязанностей матери в семье считается воспитание детей [28]. Предполагается, что под влиянием традиционных семейных ценностей белорусские матери больше времени проводят с детьми, что вызывает большую частоту и степень конфликтности. Белорусские матери прибегают к более разнообразным тактикам в разрешении родительско-детского конфликта. Однако по результатам исследования И. А. Фурманова [16] ясно, что белорусские матери чаще используют агрессивные тактики разрешения конфликта с детьми, находящимися в возрастном периоде ранней взрослости. Вероятной причиной этого является увеличение отрыва ребенка от семьи, что вызывает большую тревогу и обеспокоенность матерей, а также необходимость как матери, так и ребенка адаптироваться к изменениям в родительско-детских отношениях.

Рассмотрим кросс-культурные различия тактик разрешения детско-родительского конфликта.

Отец. Детство. Установлено, что китайские отцы при разрешении родительско-детского конфликта чаще, чем белорусские отцы, прибегают к тактике проявления жестокости ($t = 2,44$; $p = 0,015$) и тактике физической жестокости ($t = 3,28$; $p = 0,001$), в то время как белорусские отцы чаще прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -6,56$; $p < 0,001$) и тактике психологической агрессии ($t = -4,14$; $p < 0,001$) (рисунок 5).

Ранняя взрослость. Доказано, что китайские отцы при разрешении родительско-детского конфликта чаще прибегают к тактике телесных наказаний ($t = 6,26$; $p < 0,001$), проявления жестокости ($t = 6,18$; $p < 0,001$) и тактике физической жестокости ($t = 3,66$; $p < 0,001$), чем белорусские отцы. При этом белорусские отцы прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -3,96$; $p < 0,001$) (рисунок 6).

Таким образом, вне зависимости от возраста ребенка китайские отцы отдают предпочтение жестким насильственным тактикам разрешения родительско-детского конфликта, а белорусские отцы — более мягким тактикам без использования физического принуждения.

Полученные данные согласуются с мнением Е. Лян [14]. Автор отмечает, что в контексте конфуцианской культуры насильственные тактики родительско-детского конфликта являются наиболее эффективным методом, направленным не только на то, чтобы дети не могли ослушаться приказа, но прежде всего на установление семейной иерархии и внедрение в сознание ребенка того, что отец занимает авторитетное положение.

Рисунок 4. — Тактики разрешения родительско-детского конфликта в белорусских семьях с детьми, находящимися в периоде ранней взрослости

Рисунок 5. — Тактики разрешения отцом родительско-детского конфликта с детьми

Рисунок 6. — Тактики разрешения отцом родительско-детского конфликта с детьми, находящимися в периоде ранней взрослости

Уклад же белорусской семьи, несмотря на свою патриархальность, представляет демократическую ее форму, которая предполагает меньшее вмешательство родителей в дела детей и допускает больше возможностей для уступок интересам и потребностям ребенка [21]. Вопреки мнению Л. Линь [13], китайские отцы более склонны к компромиссу со своими детьми, не используют насильственные тактики в условиях конфликта.

Мать. Детство. Обнаружено, что китайские матери чаще, чем белорусские, прибегают к тактике проявления жестокости ($t = 3,97; p < 0,001$) и тактике физической жестокости ($t = 2,68; p = 0,008$) при разрешении родительско-детского конфликта, в то время как белорусские матери чаще используют тактику дисциплинирования ($t = -11,46; p < 0,001$) и тактику психологической агрессии ($t = -4,14; p < 0,001$) (рисунок 7).

Ранняя взрослость. Установлено, что китайские матери чаще, чем белорусские, прибегают к тактике телесных наказаний ($t = 4,37; p < 0,001$), проявления жестокости ($t = 4,80; p < 0,001$) и тактике физической жестокости ($t = 2,63; p = 0,009$) при разрешении родительско-детского конфликта. При этом белорусские матери прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -7,00; p < 0,001$) и тактике психологической агрессии ($t = -4,05; p < 0,001$) (рисунок 8).

Таким образом, вне зависимости от возраста ребенка китайские матери, как и отцы, отдают предпочтение жестким насильственным тактикам разрешения родительско-детского конфликта, а белорусские матери — более мягким тактикам без использования физического принуждения и физического насилия.

Под влиянием коллективистской культуры [12] в Китае большинство матерей воспитывают своих детей более строго и ожидают от них определенных успехов, в то время как в белорусских семьях матери воспитывают детей более мягко [29]. В результате китайские матери прибегают к насильственным методам воспитания, а белорусские — к более щадящим.

По мере взросления детей как у китайских, так и у белорусских матерей сохраняется тенденция некоторого постоянства подходов к использованию тактик разрешения родительско-детского конфликта: китайские матери сохраняют выбор насильственных тактик, а белорусские матери — ненасильственных.

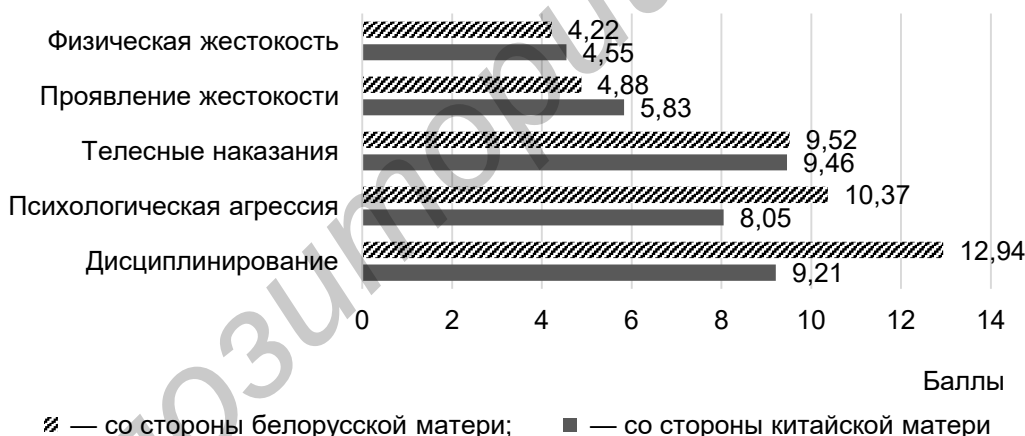

Рисунок 7. — Тактики разрешения матерью родительско-детского конфликта с детьми

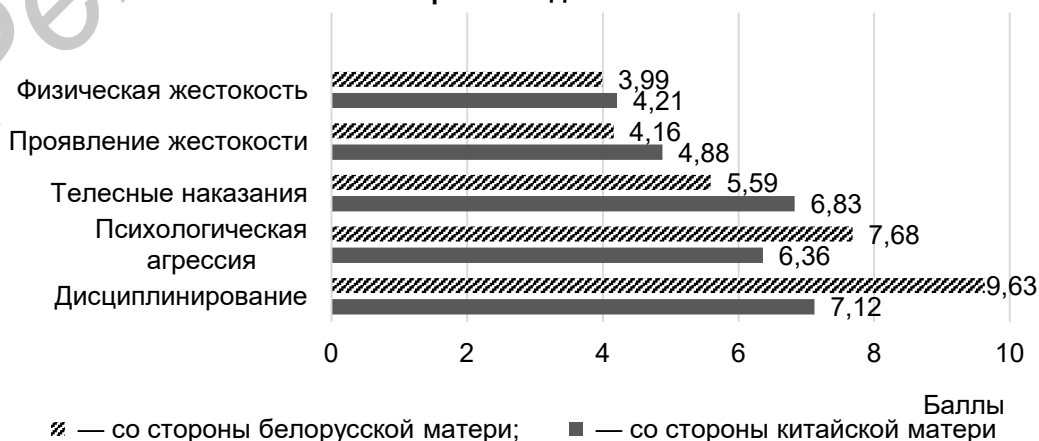

Рисунок 8. — Тактики разрешения матерью родительско-детского конфликта с детьми, находящимися в периоде ранней взрослости

Полученные данные отчасти подтверждаются целым рядом исследований. Так, согласно мнению И. А. Фурманова [16] и Ч. Ван [20—22], в белорусских семьях, независимо от пола ребенка, наиболее распространенными способами разрешения родительско-детских конфликтов являются дисциплинирование и психологическая агрессия со стороны матерей, которые чаще всего предоставляют детям возможности для самоисправления. В белорусских семьях, как и в китайских, мать доминирует.

Заключение. Проведенное исследование позволило сделать определенные выводы:

1. Независимо от возраста ребенка, китайские матери чаще, чем китайские отцы, используют для разрешения родительско-детского конфликта ненасильственную тактику дисциплинирования. По мере взросления детей склонность к использованию насильственных тактик разрешения родительско-детского конфликта снижается.

2. Независимо от возраста ребенка, белорусские матери чаще, чем белорусские отцы, используют для разрешения родительско-детского конфликта как ненасильственную тактику дисциплинирования, так и насильственные тактики психологической агрессии и физической жестокости.

3. Вне зависимости от возраста ребенка китайские отцы отдают предпочтение жестким насильственным тактикам разрешения родительско-детского конфликта, а белорусские отцы — более мягким тактикам без использования физического принуждения.

4. Вне зависимости от возраста ребенка китайские матери отдают предпочтение жестким насильственным тактикам разрешения родительско-детского конфликта, а белорусские матери — более мягким тактикам без использования физического принуждения и физического насилия.

Список цитируемых источников

1. 何文广. 青少年亲子冲突处理策略与其社会适应关系的研究: 硕士论文. 发展与教育心理学 / 何文广; 曲阜师范大学. — 曲阜, 2005. — P. 1—2. = Хэ Вэньгуан. Исследование взаимосвязи между стратегиями управления конфликтами между родителями и детьми подростков и их социальной адаптацией: магист. дис. Психология развития и образования / Хэ Вэньгуан; Цюйфус. пед. ун-т. — Цюйфу, 2005. — С. 1—2.
2. 陆蓉慧. 应用型本科高校大学生亲子冲突的特点及解决策略研究 / 陆蓉慧 // 大学教育. — 2020. — No. 10. — P. 151—154. = Лу Ронхуэй. Исследование характеристик и тактик разрешения родительско-детского конфликта среди студентов прикладного бакалавриата / Лу Ронхуэй // Университетское образование. — 2020. — No. 10. — С. 151—154.
3. Susan, B. Development of Parent—Adolescent Relationships: Conflict Interactions as a Mechanism of Change / B. Susan // Child Development Perspectives. — 2018. — Vol. 12, no. 3. — P. 171—176.
4. Osborne, L. N. Marital Conflict, Parent-Child Relationships, and Child Adjustment: Does Gender Matter? / L. N. Osborne, F. D. Fincham // Merrill-Palmer Quarterly. — 1996. — Vol. 42, no. 1. — P. 48—75.
5. Massimo, B. A survey on parent-child conflict resolution: intrafamily violence in Italy / B. Massimo, M. B. Silvana // Child Abuse and Neglect. — 2001. — Vol. 25, no. 6. — P. 839—853.
6. Barber, J. G. Predictors of Adolescent Adjustment: Parent-Peer Relationships and Parent-Child Conflict / J. G. Barber, P. Delfabbro // Child and Adolescent Social Work. — 2000. — Vol. 17. — P. 275—288.
7. Zhang, Q. Family Communication Patterns and Conflict Styles in Chinese Parent-Child Relationships / Q. Zhang // Communication Quarterly. — 2007. — Vol. 55, no. 1. — P. 113—128.
8. Guan, X. A Cross-Cultural Examination of Family Communication Patterns, Parent-Child Closeness, and Conflict Styles in the United States, China, and Saudi Arabia / X. Guan, X. Li // Journal of Family Communication. — 2017. — Vol. 17, no. 3. — P. 223—237.
9. Leung, JT-Y. Overparenting, Parent-Child Conflict and Anxiety among Chinese Adolescents: A Cross-Lagged Panel Study / JT-Y. Leung // International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2021. — Vol. 18, no. 22. — URL: https://www.researchgate.net/publication/356182088_Overparenting_Parent-Child_Conflict_and_Anxiety_among_Chinese_Adolescents_A_Cross-Lagged_Panel_Study (date of access: 19.02.2025).
10. Yeh, K. H. Filial belief and parent-child conflict / K. H. Yeh, B. Olwen // International Journal of Psychology. — 2004. — Vol. 39, no. 2. — P. 132—144.
11. 何文广. 青少年亲子冲突研究的现状与展望 / 何文广, 宋广闻 // 南京师范大学学报(社会科学版). — 2011. — No. 4. — P. 105—110. = Хэ Вэньгуан. Современное состояние и перспективы исследования конфликтов между родителями и подростками / Хэ Вэньгуан, Сон Гуанвэнь // Журнал Нанкинского педагогического университета (издание по общественным наукам). — 2011. — No. 4. — С. 105—110.

12. 李一季. 浅析中美文化差异的根源 / 李一季 // 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版). — 2007. — No. 6. — P. 116—117. = Ли Йили. Анализ истории культурных различий между Китаем и США / Ли Йили // Журнал Цицикарского университета (издание по философии и социальным наукам). — 2007. — № 6. — С. 116—117.
13. 林岚. 3—6岁幼儿家庭亲子冲突的现状及其处理策略 / 林岚 // 学前教育研究. — 2011. — No. 10. — P. 48—54. = Линь Лань. Современная ситуация родительско-детского конфликта в семьях детей 3—6 лет и тактика управления им / Линь Лань // Исследования в области дошкольного образования. — 2011. — № 10. — С. 48—54.
14. 梁业梅. 学前儿童父母体罚的特点及影响因素分析 / 梁业梅 // 大庆师范学院学报. — 2018. — Vol. 38, no. 1. — P. 152—157. = Лян Емэй. Характеристики и факторы влияния родительских телесных наказаний на детей дошкольного возраста / Лян Емэй // Исследование Дацинского педагогического колледжа. — 2018. — Т. 38, № 1. — С. 152—157.
15. 贾慧. 初中生父母体罚与亲子关系质量的关系: 对父母体罚合理性及常规性感知的调节作用: 硕士论文. - 发展与教育心理学 / 贾慧; 山东师范大学. — 济南, 2010. — P. 20—23. = Цзя Хуэй. Взаимосвязь между родительскими телесными наказаниями и качеством родительско-детских отношений у младших школьников: моделирующее влияние на восприятие рациональности и обыденности родительских телесных наказаний: магист. дис. Психология развития и образования / Цзя Хуэй; Шаньдун. пед. ун-т. — Цзинань, 2010. — С. 20—23.
16. 傅尔曼, И. А. Структура дисциплинарных воздействий при разрешении родительско-детского конфликта / И. А. Фурманов // Психология. — 2008. — № 3. — С. 9—12.
17. Straus, M. A. Corporal punishment of adolescents by American Parents / M. A. Straus, D. A. Donnelly // Reports-Research. — 1993. — No 2. — P. 1—15.
18. Day, R. D. Predicting spanking of younger and older children by mothers and fathers / R. D. Day, G. W. Peterson, C. McCracken // Journal of Marriage and the Family. — 1998. — No. 60. — P. 79—94.
19. Magnuson, K. A. Preschool child care and parents' use of physical discipline / K. A. Magnuson, J. Waldfogel // Infant and Child Development. — 2005. — Vol. 14, no. 2. — P. 177—198.
20. Ван Чжэлань. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях в периоды детства и ранней зрелости / Ван Чжэлань // Человек. Культура. Общество: материалы IX Науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов фак. филос. и соц. наук БГУ. — Минск, 2014. — С. 7—8.
21. 傅尔曼, И. А. Кросс-культуральные различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях / И. А. Фурманов, Ван Чжэлань // Ребенок в трудной жизненной ситуации: пособие для педагогов-психологов, соц. и пед. Работников / Акад. последиплом. образования. — 2014. — С. 25—40.
22. Ван Чжэлань. Взаимосвязь тактик разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях в периоды детства и ранней зрелости / Ван Чжэлань // Психология глазами студентов: материалы X Ежегод. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов фак. философии и социологии. — 2013. — С. 4—6.
23. Straus, M. A. Identification of child maltreatment with the parent—child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents / M. A. Strauss // Child Abuse and Neglect. — 1998. — Vol. 22, no. 4. — P. 249—270.
24. 傅尔曼, И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И. А. Фурманов. — СПб.: Речь, 2007. — 480 с.
25. Study on Child Abuse and Spouse: Battering Report on findings of Household Survey / Chan Ko Ling, Yip Hak Kwong, Paul Lau Tat Chi, Ruby Lo Tsz Fung [et al.]. — Hong Kong: The University of Hong Kong, 2005. — 132 p.
26. 傅尔曼, И. А. Тенденции в возрастной динамике применения тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях / И. А. Фурманов, Сылу Чжао // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. — 2022. — № 2. — С. 66—75.
27. 唐文辉. 大学生亲子冲突及其建设性转化的研究: 硕士论文. 教育学 / 唐文辉; 南京师范大学. — 南京, 2018. — P. 1—2. = Тан Вэньхуэй. Исследование родительско-детского конфликта и его конструктивной трансформации у студентов: магист. дис. Педагогика / Тан Вэньхуэй; Нанк. пед. ун-т. — Наньцзин, 2018. — С. 1—2.
28. БЕЛАРУСЬ: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение / М. Ю. Акулова [и др.]; ред. Т. Кучера. — Минск, 2018. — URL: https://belarus.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/%28%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%20%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80%29%20%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8C_%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%20%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B8_%D0%A2%D0%BE%D0%BC%20%D0%0.pdf (дата обращения: 29.12.2024).
29. Чжао Сылу. Сравнительный анализ роли матерей в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях / Чжао Сылу // Человек. Культура. Общество: сб. науч. ст. 19-й Ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. филос. и соц. наук БГУ, 28 апр. 2022 г., г. Минск / БГУ, редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2022. — С. 389—391.